

ПРОЛОГ

СССР, Крым

понедельник, 18 мая 1942 года

Далеко на востоке, где-то за Керчью и Таманью, медленно вставало красное солнце. Густой старокрымский лес, ровным зеленым ковром покрывавший северные склоны гор, еще сохранял холодный сумрак, но с каждой минутой видимость под кронами кряжистых дубов и высоких елей улучшалась. Разгорался новый день.

Небольшая группа партизан спускалась по знакомой тропе с вершины горного отрога. Первым шел местный житель по фамилии Агишев. Никогда не унывающий, добродушный и надежный молодой паренек из Судака лет восемнадцати, он неплохо знал здешние горы и частенько вызывался в проводники. За ним следовал старший группы — сорокалетний сержант Луфиренко. Опытный вояка прибился к отряду партизан с остатками своего отделения, некогда входившего в состав 384-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии. За сержантом топал его молчаливый сослуживец, ефрейтор Дробыш. За широкой спиной

ефрейтора едва виднелась миниатюрная фигурка Екатерины Лоскутовой. Вместо оружия двадцатилетняя девушка несла в руке небольшую холщовую торбу. Замыкали строй два друга, год назад еще бегавшие в старший класс местной школы. Оба родились и выросли в прибрежном Судаке, и оба пришли в отряд добровольцами.

Петляя между деревьями, малозаметная тропинка вела под гору. Идти было легко. Правда, каждый из группы понимал: вечером придется двигаться в обратную сторону. Взбираться к вершине отрога будет тяжело, ведь сил после неблизкого похода останется мало.

Сержанта Луфиренко сегодня разбудил за час до рассвета дежурный по лагерю и приказал прибыть в штабную землянку к командиру партизанского отряда.

«Подбери четверых надежных ребят и проводи нашу связную до Бахчи», — распорядился Николай Степанович Гаврилов.

Связную в отряде любили, уважали и ласково называли Катюшей. Девушка была родом из Москвы. Симпатичная, образованная, скромная и улыбчивая. Подобные люди, независимо от пола и возраста, обычно сразу располагают к себе любой коллектив. Даже в непростых условиях партизанской войны.

Весь последний месяц как минимум раз в неделю в сопровождении товарищей Катюша спускалась с высокого лесистого отрога и по тихой ложине добиралась до большого села с татарским названием Бахчи-Эли. Час или полтора партизаны ожидали связную на берегу быстрой речки Кучук-Карасу.

Катюша возвращалась, и группа приступала к восхождению. Топать в гору приходилось далеко — целых шестнадцать верст. Часто останавливались, отдыхали. Но другим способом попасть в основной партизанский лагерь, располагавшийся на отметке девятьсот пятнадцать метров над уровнем моря, возможности не было.

С кем Катюша встречалась в Бахчи и о чем говорила, никто из рядовых партизан не ведал. Догадывались, что она получает собранные за неделю разведданные, а также передает агенту очередную задачу из Москвы.

В ближайšie селения, разбросанные по живописной долине к северу от Крымских гор, группа не заходила. Так сложилось, что в этих селениях довольно дружно проживали представители самых разных народов: татары, греки, украинцы, русские, армяне... Открыто никто из сельчан немецкую оккупационную власть не поддерживал, однако командование партизанского отряда строго-настрого

приказало не рисковать и в деревнях не появляться. Потому небольшое село Айлярма оставалось на речной излучине далеко слева, село Кокташ — справа, а Соллар и Бий-Эли партизаны аккуратно обходили кругом по густым лесам.

Да, тропа, по которой спускалась группа, была самой короткой и легкой. Увы, но некоторое время партизанам пришлось пользоваться другой тропой, длинной и труднопроходимой. Случилось это после того, как бесследно исчез предыдущий связной партизанского отряда.

Группа сопровождения прождала его два с лишним часа и вынуждена была вернуться в лагерь без связного. Николай Степанович Гаврилов забил тревогу: приказал сниматься с обжитого места и уходить выше в горы.

До позднего вечера отряд плутал по лесистым горам Восточного Крыма. Новое место для лагеря подыскиали у подножия горы Эмула-кая с хорошим обзором на север и юг. Кое-как переночевали, а утром принялись обустриваться.

Пару недель Гаврилов никого в долину не отправлял. Затем послал разведчиков без связного — разнюхать обстановку в Бахчи, встретиться с надежным человеком, расспросить, что да как. Вернувшись, разведчики доложили, что в селении все спокойно, а также о том, что дней десять назад гитлеровцы и полицаи расстреляли во дворе

комендатуры молодого паренька. Никаких арестов среди сельчан не последовало. «Значит, геройский был младший лейтенант, — решил Гаврилов. — Не смалодушничал. Не выдал тех, с кем встречался в Бахчи, не рассказал о партизанском отряде». И назначил новой связной Катюшу Лоскутову. С тех пор в Бахчи-Эли с группой сопровождения ходила она.

Несколько раз группа спускалась и поднималась, используя свежую тропу и делая чудовишный крюк. Лишь спустя месяц партизанский командир успокоился и разрешил использовать старый маршрут...

- Устала? — оглянулся Луфиренко.
- Нет, — отмахнулась Екатерина.
- Еще полверсты, и встанем на отдых...

Единственный привал на пути к Бахчи устраивали на траверзе небольшого селения Кокташ. Местечко для двадцатиминутного отдыха было в самый раз: ни дорог, ни тропинок, ни лугов для выпаса скота. И до села далековато. Молодая зелень здесь буйствовала с конца марта, так что к месту отдыха подходили не на виду.

Перед неглубоким овражком Агишев поднял руку, делая знак группе остановиться. Сам осторожно подошел к краю и оглядел заросшее кустарником дно. В тенистом пространстве овражка не было ничего необычного. Агишев просигналил: никого.

Партизаны спустились в овражек, расположились на прошлогодней листве у поваленного дерева. Агишев уселся на склоне повыше отряда, достал из кармана солдатских галифе кисет, принялся набивать длинную тонкую трубку. Он и на привале обязан был поглядывать по сторонам, прислушиваться...

* * *

В разгар Крымской оборонительной операции советские войска насчитывали двенадцать стрелковых и до шести кавалерийских дивизий. Это была немалая сила. Однако немецкое командование бросило для захвата полуострова 11-ю армию генерала пехоты Манштейна, усиленную 3-й румынской армией. Немецко-румынские войска выглядели свежими, обладали высокой мобильностью и были лучше вооружены.

К концу октября 1941 года положение Приморской армии, оборонявшей Крымский полуостров, стало критическим. Две дополнительные дивизии вермахта, выдвинутые по приказу Манштейна на передовую, сумели прорвать советскую оборону. Разрозненные части Приморской армии начали отступление. Некоторые из них отошли к Севастополю, некоторые уходили на восток, к Керчи. Около тысячи военнослужащих Красной армии рассеялись в Крымских горах, присоединившись к партизанам.

Несколько таких бойцов влились в отряд Николая Степановича Гаврилова, человека пожилого, опытного, рассудительного и необычайно обстоятельного.

* * *

Короткий привал заканчивался. Катя Лоскутова сидела на стволе поваленного дерева, ожидая команды на продолжение похода. Неподалеку бойцы докуривали самокрутки. День обещал быть солнечным, теплым. Молодая листва на деревьях едва шевелилась под легкими прикосновениями весеннего ветра. Воздух, наполненный ароматами цветущей зелени, был невероятно чист; отовсюду доносилось щебетание птиц.

Девушка попыталась представить, что в эту минуту где-то идут кровопролитные бои: грохочет канонада, свистят пули, пахнет гарью и смертью. И не смогла. Не хватило воображения. Слишком пугающим выходил контраст между ужасами войны и окружающей ее цветущей природой.

Катя подняла взгляд, посмотрела сквозь листву в просветлевшее небо. Вспомнив вдруг родную сестру Дарью, улыбнулась. Интересно, как она поживает в их стареньком доме во 2-м Астрадамском тупике?..

Девушка любила в спокойные часы предаваться воспоминаниям о мирном довоенном времени,

о сестре, о школе и родных узких улочках северной московской окраины. Мысли об этом согревали душу. И даже образ непутевого папаши, изводившего дочерей беспрестанным пьянством, после годовалой разлуки уже не представлялся омерзительным и до предела надоевшим. Какой-никакой, а все же отец...

Послышались нервные шорохи.

Катюша повернула голову на звук и... вздрогнула. По темно-коричневой пожухлой листве сползал Агишев. Он приглушенно мычал и держался ладонями за грудь, из которой торчал нож.

Девушка спрыгнула со ствола поваленного дерева, и в тот же миг все вокруг пришло в движение. Товарищи хватали оружие, вскакивали, озираясь по сторонам, искали противника...

Группа была захвачена врасплох. Видать, немцы выследили ее и заранее устроили засаду у овражка. На дно его с интервалом в две-три секунды с гулким стуком посыпались гранаты с длинными деревянными рукоятками.

— Ложись! — успел крикнуть Луфиренко.

Катя упала на листву, прикрыла руками голову. Первый взрыв грохнул в десятке метров, и после этого начался сущий кошмар: взрывы, стрельба, стоны, крики...

«Господи, неужели это конец?!» — пронеслось в ее голове.

Она нащупала рукой торбу; внутри лежали завернутые в тряпицу сухари и порванные женские ботинки. Эта ноша всегда была при ней на случай встречи в селе с немецким патрулем. Оружия не было. Николай Степанович категорически запретил брать с собой пистолет во время посещений Бахчи-Эли. Если тамошние полицаи остановят и обыщут, то оружие — смертельный приговор.

В овражке продолжали греметь взрывы. Похоже, немцы не собирались брать пленных. Они просто уничтожали немногочисленную группу партизан.

Один парнишка из Судака был тяжело ранен в голову, другой волок его под склон. Проводник Агишев хрипел, умирая. Ефрейтор Дробыш, прячась за пнем поваленного дерева, бил короткими очередями из немецкого пистолета-пулемета. Неподалеку от Кати лежал Луфиренко с зажатой в кулаке гранатой-лимонкой.

— Беги, Катька, — вдруг приказал он.

— Как — беги? Куда?..

— Дуй вниз по овражку, покуда нас не обложили со всех сторон.

— А вы? Нет, я не могу... — пролепетала девушка.

— Брось мямлить! — осерчал сержант. — Ты связная и шифровальщик! Ты нужна отряду пуше

боеприпасов. Вишь, фашист наседает, едрит его в преисподнюю! Беги, сказал!

Схватив свою торбу и пригнувшись, девушка бросилась вниз по дну оврага. Влетела в густой кустарник, стала продираться сквозь его колючие ветви, наконец запнулась и упала. Дальше поползла на четвереньках.

Позади снова слышались короткие очереди. Потом Луфиренко вскрикнул, и стрельба стихла.

В кровь расцарапав лицо, руки и колени, Катерина остановилась. Позади погибали товарищи, бросить их она не могла. Какие бы правильные слова ни говорил сержант, а естество ее так поступить не позволяло.

Она бы вернулась и, подобрав чье-нибудь оружие, тоже вступила бы в бой. Но не успела. Пробив густую листву, рядом тюкнулась в землю немецкая граната. Тут же грохнул взрыв, обдав Катю жаркой волной и отбросив на землю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Москва, площадь Восстания —
ул. Красная Пресня
сентябрь 1945 года*

Спрыгнув с подножки автобуса, Михаил Иванович Золотухин окинул взглядом широкую площадь, машинально запустил ладонь в боковой карман пиджака и нащупал портсигар.

«Удивительное дело, — растянул он губы в улыбке. — Этому подарку скоро десять лет, а он все не перестает радовать».

Портсигар блеснул серебряной крышкой в красноватом вечернем солнце. Мягко щелкнул миниатюрный замок, и взору хозяина открылось пропитанное табачным ароматом нутро. Портсигар был узким и вмещал всего пять-шесть папирос. Видимо, такой объем мастер задумал специально, дабы умерить аппетит курильщика.

Да, десять лет назад Золотухин выкуривал в день по две пачки папирос, а порой и больше. Так случилось, что в начале 1935 года повысили его до мастера участка в Управлении гидротехнических сооружений города Москвы. Должность, прямо скажем, собачья. Все равно что боцман на

большом корабле или старшина в стрелковой роте. Участок огромный — что ни день, то авария и аврал по устранению последствий. На работу Михаил приезжал к восьми утра, домой возвращался к ночи, а иной раз и вовсе ночевал в кабинете на стульях. Издергался за первый год так, что стал подумывать об увольнении. Вот и пристрастился к табачку: каждые четверть часа выуживал из пачки папироску, чиркал спичкой и дымил, дымил, дымил... Думал, что нервы успокаивает, а на деле расшатал сердечко.

Заметив, как выгорает молодой мастер, позвал его тогда к себе в кабинет начальник Управления Колобаев, серьезный, строгий, но справедливый и удивительно мудрый мужик. Угостил крепким чаем, разрешил курить и за полчаса доходчиво объяснил, как нужно правильно строить работу на участке и отношения с подчиненными. Чтобы, значит, не выматываться физически до состояния загнанного мерина и не терзаться душевно до появления мыслей о поиске другого места работы.

Не укрылась от внимательного начальника и безмерная тяга Золотухина к табачку. В итоге придумал он хитрость. На торжественном собрании по случаю первого празднования в СССР Нового года передовикам производства он дарил ценные подарки, вручал грамоты, поздравлял. Не позабыл

и о молодом мастере. Под громкие звуки оркестра торжественно преподнес ему узкий портсигар с дарственной гравировкой по серебряной крышке.

— А ну, открой-ка свой подарок, — прогудел он, похлопывая Михаила по плечу.

Довольный Золотухин раскрыл портсигар. Под крышкой белел ровный ряд папиросных гильз.

— И сколько же в него помещается папирос? — хитро пытал Колобаев.

— Шесть, — быстро сосчитал мастер.

— Так вот тебе добрый наказ от коллектива и от меня лично: выкуривай за рабочую смену ровно шесть папирос и ни одной больше! Добро?

— Добро, — расплылся в улыбке Золотухин и пожал крепкую ладонь начальника.

С тех пор он ни разу не нарушил данное слово.

* * *

Оглянувшись по сторонам, Михаил Иванович обошел длинную очередь к бочке с квасом и потопал к Баррикадной улице. В конце рабочего дня в его серебряном портсигаре традиционно оставалось две папиросы. Предпоследнюю он выкуривал по дороге домой, а последняя — самая желанная, поскольку употреблялась в покое, — оставалась на вечер. Ею он наслаждался после ужина, любясь у запахнутого кухонного окна огнями засыпавшего города.

С началом войны в Москве был введен режим светомаскировки, который отменили только 29 апреля 1945 года. Запрет был настолько суровым, что по окнам забывчивых граждан иной раз палил из винтовок военный патруль. К дисциплине москвичей приучили быстро, и после сумерек город погружался в ужасающую темень.

Теперь же, спустя всего четыре месяца после победы, похорошевшую столицу было не узнать. Дороги и тротуары повсеместно ремонтировались, устранялись следы давних бомбежек, восстанавливались линии электропередач, налаживалось уличное освещение.

Размышляя об этом, Золотухин на ходу вынул из-под резинки предпоследнюю папиросу, слегка размял ее, понюхал, привычным манером смял бумажный мундштук. Спрятав в карман портсигар, достал спички. На секунду остановившись, прикурил, пыхнул дымком и неторопливо отправился дальше по Баррикадной в сторону Красной Пресни...

Несколько последних лет он занимал должность заместителя начальника Управления. Колобаев по-прежнему верил в Золотухина и двигал его по карьерной лестнице, куда тот не стал его ближайшим помощником. Теперь по должности Михаилу Ивановичу полагался служебный автомобиль, однако в 1941 году весь автопарк

был передан на нужды Красной армии. В ведомственном гараже осталась единственная старая эмка, которой пользовался сам Колобаев. В июле 1945 года Управлению вернули пару автомобилей, но они нуждались в капитальном ремонте и не выезжали из гаража. Посему Золотухин привычно предпочитал автобус и нисколько об этом не жалел.

От площади Восстания до дома он всегда ходил одним и тем же маршрутом: по Баррикадной, затем по Красной Пресне до родного Пресненского переулка.

Золотухин шел не спеша, наслаждаясь крепким табачным дымком и спустившейся на город вечерней прохладой. А еще согревающей мыслью о приближавшемся выходном дне. Ежели супруга окажется в здравии и в добром духе, то можно сговориться со старыми приятелями, сесть с картишками за стол и расписать пульку.

На Пресне, метров за двести до поворота в переулок, ход его приятных мыслей внезапно был нарушен строгим мужским голосом:

— Гражданин, задержитесь!

Замедлив шаг, Михаил Иванович оглянулся по сторонам. Удивительно, но на Красной Пресне в эту минуту никого поблизости не было. А по тротуару к нему спешили трое: лейтенант милиции и два гражданских молодых человека. На руках у гра-

жданских пестрели красные повязки с желтыми надписями «Бригадмил»¹.

— Простите, вы ко мне обращаетесь? — удивился Золотухин. Законов он никогда не нарушал, с органами правопорядка общался лишь однажды, когда на участке Сыромятнической набережной реки Яузы обнаружилась неразорвавшаяся немецкая авиабомба.

— К вам, — подошедший сотрудник отдал честь и представился: — Оперуполномоченный младший лейтенант Петров, Краснопресненский РОМ². Вы Золотухин Михаил Иванович?

— Да, — еще больше озадачился тот. — А в чем дело?

— Можно взглянуть на ваши документы?

— Конечно. — Золотухин полез во внутренний карман пиджака. — Вот, пожалуйста.

Лейтенант ознакомился с паспортом, со служебным удостоверением. И, положив их в нагрудный карман кителя, приказал:

— Пройдемте с нами.

— Куда? — окончательно растерялся Михаил.

¹ Бригадмил (сокр. Бригады содействия милиции) — добровольные организации в СССР, члены которых оказывали помощь милиции в охране общественного порядка.

² РОМ — районный отдел милиции.

СМЕРТЬ В КОНВЕРТЕ

— Приказано сопроводить вас в ближайший опорный пункт. Это недалеко — на набережной...

Краснопресненская набережная действительно находилась рядом, в четырех кварталах. Проявлять любопытство, а тем более спорить с сотрудниками НКВД никто в эту пору не отваживался.

— Конечно, — пожал плечами Золотухин.

— Вот сюда, — показал на проход между домами лейтенант. — Здесь, через дворы, получится быстрее...

Михаил Иванович тоскливо посмотрел на угол трехэтажного здания, за которым виднелось начало родного Пресненского переуллка. Вздыхнул и в сопровождении трех сотрудников послушно зашагал в обратную сторону...

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Москва, Глубокий переулок, Петровка, 38
сентябрь 1945 года*

В Глубоком переулке вечерело. Все сотрудники оперативно-разыскной группы были заняты своими делами. Штатный фотограф Игнат Горшеня озарял подвал заброшенного маслозавода магниевой вспышкой, фиксируя на фотопленку все, что могло впоследствии пригодиться оперативному расследованию. С год назад ему, молодому старлею, опытные товарищи еще подсказывали, что и как снимать. Нынче он все делал самостоятельно.

Егоров, Васильков и Бойко внимательно осматривали подвальное помещение, в котором несколько часов назад стайка местных мальчишек случайно наткнулась на труп Михаила Золотухина.

Иван Старцев в сопровождении старшего лейтенанта Баранца отправился в ближайшее госучреждение, чтобы переговорить по телефону с комиссаром Урусовым. И только лейтенант Ким, оставаясь самым юным сотрудником группы, скучал у телефона в рабочем кабинете на Петровке.

— В карманах и под подкладкой пусто, — объявил капитан Бойко, закончив осмотр оставшейся на убитом одежды.

По пояс раздетый мертвец лежал у боковой стены из старого красного кирпича. На нем оставались черные брюки, длинные хлопковые носки и легкие парусиновые туфли. Слева в двух шагах валялись рубаха и темный пиджак. Справа из проржавевшей трубы монотонно капала вода. Воздух в подвале не вентилировался, оттого пропах сыростью, кисловатой плесенью и прогорклым маслом. Видать, когда-то в этих подземных помещениях хранили емкости с готовой продукцией. Сейчас к малоприятным «ароматам» добавился тошнотворный запах разлагавшегося тела. Дабы перебить его, сыщики беспрестанно дымили папиросами.

— Пару дней лежит, а душок уже невыносимый, — проворчал капитан Егоров.

— В тепле тело быстро разлагается, — бывший фронтовик Васильков изучал следы на пыльном полу.

Заместитель начальника Управления гидротехнических сооружений Москвы Михаил Иванович Золотухин исчез более двух суток назад. Ушел ближе к вечеру со службы, а дома так и не появился. Мужик он был справный, непьющий, хороший семьянин. Любил, правда, с друзьями перекинуться в картишки, но исключительно по

выходным и с одобрения супруги. Она-то и забила тревогу, когда муж не явился с работы к положенному часу. Сначала позвонила двум закадычным приятелям Михаила, а после известила милицию. Ну и завертелось...

Обследуя толстый слой пыли, Васильков наткнулся на интересный артефакт — небольшой портсигар на пять-шесть папирос. Его кто-то аккуратно прикопал в дальнем углу подвала. Основание было медным, а вот крышку мастер исполнил из благородного серебра. Помимо орнамента в виде виноградной лозы крышку украшала надпись: «За большевистское отношение к делу. Михаилу Ивановичу Золотухину. 31.12.1935». Портсигар оказался пустой, однако нутро его сохранило аромат хороших папирос.

Через четверть часа вернулись Старцев и Баранец.

— Урусову ситуацию обрисовал, экспертов вызвал, — оповестил товарищей Иван. Вид у него был измученный, недовольный.

— Без экспертов не обойтись, — тщательно вытер руки платком Егоров. — Перед смертью его долго пытали.

Иван подошел ближе, посветил фонариком. Опираясь одной рукой о тросточку, присел и начал рассматривать тело.

— Да... порезы, проколы, синяки... Досталось

мужику в последние часы жизни, — заключил он. — Причину смерти установил?

— Глубоких ножевых ран нет. Либо болевой шок от порезов и ударов, либо сердечная недостаточность. Эксперты после вскрытия скажут наверняка.

— Чего ж, интересно, чего от него добивались?

— Надо бы домой к нему смотаться. — Егоров закурил очередную папиросу. — Побеседовать с вдовой, а заодно глянуть, как он жил. Дом, квартира, обстановочка, вещички.

— Вот ты, Вася, этим и займешься. У тебя глаз наметанный — сразу поймешь, что к чему, — с трудом поднялся с корточек Старцев.

До подрыва на mine он был парень хоть куда. И через линию фронта махнуть, и языка вражеского раздобыть, и на празднике опосля стаканчика-другого лихо отплясать. С возрастом и с появлением трости задора поубавилось.

— Добро, займусь. А ты чего такой смурной? — поинтересовался Егоров. — Или от комиссара досталось?

Старцев поморщился и тоже потащил из кармана папиросы.

— Ты ж его лучше меня знаешь. Покуда дело не прояснится, он никому покоя не даст. А тут до прояснения — как до Алеутских островов.

— И то верно, — согласился Василий.

* * *

За первые три года войны преступность в Москве распоясалась до предела. Пик ее расцвета пришелся на 1944-й. Это было что-то невообразимое, подобного не помнил никто из коренных москвичей и ветеранов милиции. Дежурным по районным отделам и в Московский уголовный розыск в час поступало до двух десятков звонков. Убийства, поножовщина, грабежи магазинов и складов, квартирные кражи, разбой...

В 1944-м все значные места столицы, а их набиралось немало, кишели блатными и всевозможными мутными личностями. Самыми криминогенными считались Тишинский рынок и Марьяна Роща. Далее на пьедестале «почета» располагались Вахрущенка с Даниловской заставой. Милицейские патрули наведывались туда каждый день, но проку было мало: человеческой нечисти от этого не убавлялось, не становилось меньше и преступлений.

На территории Тишинского рынка и в прилегающих к нему кварталах расцветала своя иерархия, существовали свои законы. У бандитов даже имелся свой стиль одежды, обуви и головных уборов. Нижнее звено состояло из так называемых солдатогольцов, носивших синие кепки-малокозырки, темные пиджачки, хромовые сапоги со скомканными «в гармошку» голенищами, светлые шарфы

вокруг шеи. Во рту непременно сверкали золотые зубы-фиксы. Чем больше золота — тем выше статус. Особой опасности огольцы не представляли, разве что освобождали от мелочи карманы сверстников из благополучных семей и пацанов младшего возраста. А заодно выполняли приказы солидных воров: шныряли по базарам и магазинам, «нюхали» обстановку, искали состоятельных граждан для будущих грабежей. Солидные воры сидели по «малинам» и на глаза попадались редко. Чего не скажешь об огольцах — эти по городу шныряли и поодиночке, и парочками, и целыми компаниями.

В общем, назревший фурункул на здоровом теле государства требовал оперативного вмешательства. Пока честные граждане проливали на фронтах кровь, защищая Родину от фашизма, бандиты воровали, насиловали, грабили и убивали. И в 1944-м с этой гнилью решено было покончить.

В кратчайшие сроки разработали план операции, собрали в кулак все силы и устроили грандиозную облаву. Это было похоже на масштабное наступление: доклады разведчиков, подготовка карт, выдвижение на позиции, молниеносное окружение, погони, перестрелки...

В итоге взяли очень много блатного люда. Самых отпетых приговорили к высшей мере, несколько сотен отправили по лагерям, а все остальные пошли по статье 59.3 как пособники банди-

тизма. После той грандиозной облавы сотрудники милиции еще долго находили в подворотнях и проходных дворах припрятанные деньги, пистолеты, финки и кастеты. Позже органы организовали еще несколько подобных облав и в конце концов с массовым бандитизмом в столице покончили.

После победы над фашизмом ряды сотрудников милиции и уголовного розыска пополнились свежими силами, и преступность в крупных городах СССР пошла на спад. Но, как оказалось, это было временным затишьем. Приспособившись к новым условиям, летом 1945 года бандиты снова взялись за свое.

* * *

В произошедшем убийстве имелось множество белых пятен, заполнить смыслом которые сыщикам пока не удавалось.

Из-за давней инвалидности Михаил Золотухин на фронт не попал. Учился в мужской школе, затем в ремесленном училище. В 1930 году устроился на работу в Управление гидротехнических сооружений помощником мастера участка. Звезд с неба не хватал, но службу уважал, с обязанностями справлялся, был на хорошем счету и за пятнадцать лет прошел все ступени от помощника мастера до первого заместителя начальника Управления. Поговаривали, будто московскую сеть гидротехнических сооружений он знал как свою родную улицу.

Жил Золотухин, как на следующий день выяснил Василий Егоров, весьма скромно. Трехкомнатная квартира в четырехэтажном доме довоенной постройки в Пресненском переулке между Красной Пресней и улицей Заморенова, что всего в трех кварталах от заброшенного маслозавода. Учитывая немалую семью из пятерых человек, трехкомнатную квартиру роскошью не назовешь. К тому же никакой загородной дачи, никакого личного автомобиля — только старенький служебный. Помимо супруги на попечении Золотухина было двое сыновей и больная теща семидесяти двух лет. В общем, самая обычная московская семья.

От дома до Управления было далековато — Золотухин пользовался либо служебным автомобилем, либо автобусом. В тот злополучный вечер, когда он не вернулся домой, автомобиль стоял в гараже на ремонте. Золотухин доехал на автобусе до площади Восстания и пошел пешком по Баррикадной и Красной Пресне. Эти детали удалось выяснить путем опроса: полдня Бойко и Баранец потратили на разговоры с кондукторами автопарка, чьи автобусы курсировали по Садовому кольцу. А вечером они же пытали продавцов магазинов и ларьков, расположенных на площади и далее — в сторону Красной Пресни. Так и разжились кое-какими сведениями о последних часах жизни Михаила Золотухина.

Почему он свернул с привычного маршрута, не дойдя до дома последнего квартала, и кто ему в этом помог — сыщики не знали, потому как этого важного момента никто из опрошенных лиц не видел. Не смогла ничего путного предположить и супруга Золотухина.

В толстом слое пыли подвального помещения, где оборвалась жизнь вполне нормального мужика и порядочного гражданина, помимо подарочного портсигара обнаружались еще кое-какие вещи. Пустой дерматиновый кошель, блокнот, карандаш, расческа и женская заколка для волос с неисправной застежкой. Все эти вещицы, за исключением заколки, принадлежали Золотухину. Простенькую заколку из латуни носила супруга, покуда она не сломалась. Муж хотел отнести ее в мастерскую при Управлении и починить. Да, видать, закрутился, позабыл.

— Убийца — явно не новичок. Опытный и осторожный, — рассуждал вечером в кабинете на Петровке Егоров. — Лишнего брать не стал.

— Ты о портсигаре? — постукивая тростью, расхаживал вдоль открытых окон Старцев.

— И о нем тоже. Как видим, убийца прихватил только обезличенные вещи: бумажные купюры и монеты из кошелька, связку ключей. А портсигар с дарственной надписью и не представляющую ценности мелочевку закопал в пыли.

Васильков заваривал чай в кружке. Не обращившись, напомнил:

— Там еще на поверхности пыли свежая шелуха валялась от семечек, ты заметил?

— Да, весь подвал ей усеян, — кивнул Старцев. И задумчиво произнес: — Как-то странно в списке пропавших вещей выглядят ключи. Зачем они понадобились преступнику?

— Супруга пыталась вспомнить, сколько ключей было в связке и какие именно. Но сами понимаете, в каком она была состоянии. Плакала постоянно, приходилось успокаивать, отпаивать водой, — рассказывал Егоров. — Один ключ в связке был от квартиры, второй от сарая, что во дворе дома. Остальные (четыре или пять — она точно не знала) от рабочего кабинета, сейфа и еще от каких-то служебных помещений.

— Кстати, что по деньгам? Сколько их было в кошельке? — спросил Старцев.

— Супруга сказала, что больших денег Золотухин с собой никогда не носил. Брал на проезд, на обед в столовой, на папиросы, ну и так несколько рублей на всякий случай. В день получки все деньги отдавал жене.

Остановившись, Иван Харитонович заключил:

— Выходит, основной целью нападения были ключи.

Егоров уверенно добавил:

— И не от квартиры, потому как взять в ней решительно нечего.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Москва, 2-й Астрадамский тупик
январь 1943 года — сентябрь 1945 года*

— Слышь, Да-ашка, сжался, а-а? Сходи за винцом!.. У тебя же в баньке-то выпивки в изобилии — небось, как в ресторане. А-а?.. — лежа на старом продавленном диване, тянул жалобным голосом похмельный Семен Лоскутов.

— Не полагается, — нависая над корытом, энергично мотала головой его взрослая дочь.

— Эт как эт не полагается? Эт чего ты о себе возомнила, а?! Отец я тебе али кто?..

Та молча мутузила в мыльной воде белье, предпочитая не вступать в спор. Многие слова — даже самые простые и обиходные — она забывала, а длинные разговоры давались с трудом. Да и тема была бестолковой, потому что папаша едва ли не каждое утро просыпался с головной болью, с трясущимися руками, с ужасным перегаром и начинал выпрашивать стаканчик вина для поправки здоровья. Несколько раз она его жалела, принося из бани початую бутылку. Но алкаши, как известно, народ нахальный и беспринципный: оседлав

единожды, уже не слезут. Вот и зареклась Дарья «лечить» папашу.

— ...У тебя же там небось батарея фуфырей-то! Ну, зачем твоим кобелям столько?.. А мне подлечиться надобно. Слы-ышь, Дашка?..

— Не полагается, — опять неслось из дальнего угла комнаты, и ладонь в мыльной пене коротким взмахом утирала со лба пот.

Бог даровал двум сестрам прекрасную внешность: стройные фигуры, чистую белую кожу, густые русые волосы, большие серые глаза и ямочки на щеках, придающие милым лицам неповторимое выражение детской непосредственности.

Катя, считавшаяся среди сестер-близняшек старшей, росла умной, расторопной, невероятно сообразительной девочкой. Даша стала полной противоположностью: соображала туго, плохо запоминала порядок самых простых вещей и делала все крайне медленно. Мамаша Акулина Игнатьевна водила ее по докторам, занималась с ней, учила говорить, пыталась тренировать память. Врачи разводили руками, объясняя дефект головного мозга родовой травмой. А когда мамаша умерла от туберкулеза, то и заниматься Дарьей стало некому. Разве что сестра Катя в свободное от школьных уроков и домашних дел время читала ей книги, помогала рисовать или составлять из кубиков слова.

— Ну, растудыть твою в качель! Что ты за челове-ек, а-а?! — ныл Семен, почесывая узкую волосатую грудь.

Взгляд его равнодушно скользил по телу девицы — от ремней короткого простенького протеза, опоясывающих голень, до сгорбленной спины. Дарья была одета в давно выцветшую длинную ночную рубашку. Волосы наскоро собраны на затылке в узел и скреплены костяным гребешком.

— Отстаньте, папаша. Не полагается вам вина из бани, — снова неслоь от корыта.

— Тьфу, заладила свою песню!.. — выругался тот и, кряхтя, принял сидячее положение.

Движение оказалось слишком резким — в глазах потемнело. Схватившись за голову, он с минуту потирал ладонями виски. Потом осторожно поднялся, подошел к деревянной кадке, зачерпнул кружкой холодной водицы и жадно напился. Крякнув, направился к умывальнику ополоснуть опухшее и черное от щетины лицо. После, не утираясь, он наведалься к столу в надежде нацедить в стакан полглотка из опустевшей бутылки. Однако от вчерашнего пиршества не осталось и следа: Дарья давно выбросила мусор, перемыла посуду, отдраила ножом деревянную столешницу и даже подмела полы. С тех пор как она осталась в доме единственной женщиной, вся работа по хозяйству легла на ее плечи. От папаша ждать помощи не приходилось.

Семен витиевато выругался и поплелся к двери: пора было справиться нужду в уличном сортире, что притулился к соседскому забору в тени старой яблони...

Закончив дела в нужнике, Лоскутов постоял под яблоней, почесал «хозяйство» под необъятными семейными трусами. И, опасливо глянув на заднее крыльцо дома, направился по тропинке к заветной бане...

* * *

Семья Лоскутовых проживала на северо-восточной окраине Москвы в частном одноэтажном доме по 2-му Астрадамскому тупику. Район был малонаселенный; по соседству с жилым массивом — аккурат через Старое шоссе — раскинулись лес и бескрайние сады совхозного питомника. А еще со всех сторон днем и ночью гроыхали по рельсам вагоны товарных составов.

Приличный участок площадью в половину казенной десятины в тупике задолго до революции выкупил прадед сестер по отцовской линии. Прадед был мастеровым человеком с золотыми руками, наделенным к тому же деловой жилкой. Благодаря ему на участке в Астрадамском появились деревянный дом с красивыми резными ставнями, сарай, баня, нужник. Все это немаленькое хозяйство было обнесено высоким добротным забором с воротами

и калиткой. Недалеко от заднего крыльца прадед выкопал колодец. В завершение он высадил роскошный сад из яблонь и слив, а в палисаднике по фасаду — сирень с жасмином. Последние восемь лет, отпущенные Богом, мастер наслаждался жизнью в созданном райском уголке, а помер тихо и без мучений аккуратно на Масленицу 1900 года.

Больше мастеровых людей в роду Лоскутовых не случилось; с каждым коленом мужики его мельчали и вырождались. Дед окончил мужскую гимназию и пошел в приказчики, но, не выдержав испытательного срока, пустился во все тяжкие. Кем он только не пытался стать, каких только профессий не перепробовал. Служил официантом в ресторане и подмастерьем у стекольщика, расклеивал афиши и продавал билеты в синемаграфограф «Электрический театр» в Верхних торговых рядах. Женившись, все же остепенился и до самой смерти проработал обходчиком на железной дороге.

Его единственный сын Семен Лоскутов, ставший позже отцом Катерины и Дарьи, рано пристрастился к алкоголю и опустился еще ниже. Вначале баловался пивком, потом перешел на дешевое вино и самогон. Учеба в школе и на рабфаке не заладилась, мыкался с одного места на другое. Чуток понимая по столярному делу, перебивался случайными заработками: кому подремонтировать ставни, кому поправить забор или навесить дверь. Посто-

янного места работы не имел: кому нужен ненадежный пропойца с вечно трясущимися руками! Когда удавалось раздобыть монету, Семен первым делом причаливал к пивной или нырял в душный подвал ближайшей рюмочной. Ежели жена Акулина находила мужа до того, как тот упивался в стельку, то часть заработка все же удавалось спасти. Ежели не успевала, то жили в долг или на скудные деньги, вырученные с продажи яблок и слив.

Сама Акулина была из бедноты; грамотой владела, да приложить ее к пользе не сумела и тащила на своем горбу всю работу по хозяйству. А сверх того имела небольшой приработок, обстирывая соседей и ближайшую больничку при железной дороге.

Была у Акулины родная сестра Евдокия, жившая и вовсе на окраине — в Ивановском проезде. Встречались родственники редко, так как муж Евдокии был для Семена хуже британского Чемберлена. Ну а как же иначе: не пьет, не курит и вообще шибко правильный!

Так и жили.

* * *

Осторожно прокравшись к бане, Семен остановился под широким навесом возле двери, втянул носом запах обструганной древесины. Баню отстроили заново в первой половине 1943 года.

С тех пор утекло немало воды, а бревна и доски выглядели как новенькие.

Воровато оглянувшись по сторонам, Семен потрогал массивный амбарный замок, висевший на проушинах толстой щеколды. Замок, естественно, был заперт. Ключа нигде не было: ни на притолоке, ни под длинной лавкой, что была вкопана по правую руку от двери.

— Можя где в дровах? — похмельный папаша потрогал крючковатыми пальцами аккуратно сложенную под окошком поленницу.

Разбирать ее было долго, канителью и опасно. Вдруг кто застучает за этим безобразием! Тогда не избежать скандала и наказания.

— Ну ведь где-то ж она его пря-ячет! — простонал он.

Недоступное нутро бани манило, завораживало. Страждущее естество рисовало запотевшие бутылки с мутным самогоном, с прозрачной как слеза водкой, с холодным ячменным пивом...

Сглотнув слюну, Семен обратил взор на узкое окошко. Изнутри оконный проем был задернут темной занавеской, а снаружи двойное стекло защищала решетка из толстых стальных прутьев. Подергав холодный металл, Семен отступил и в задумчивости снова почесал «хозяйство».

Ритуал проникновения в баню он проделывал не в первый раз. Не счесть сколько раз, подобно

лазутчику, крался он с надеждой по тропинке, похожим образом исследовал тяжелый висячий замок, искал ключ, испытывал на прочность решетки... И несолоно хлебавши возвращался в дом. Действовать более решительно не позволял страх перед молодцами местного бандита Борьки Бутовского, в чью собственность с середины войны перешла баня. Однажды они так крепко намяли Семену бока, что пришлось неделю харкать кровью и отлеживаться на печи.

— Растудыть твою в качель! — проворчал алкаш и поплелся по тропинке в сторону дома.

* * *

Строениями на участке по Астрадамскому тупику давненько никто не занимался: не поправлял, не красил, не чинил кровлю. Постепенно они обветшали, почернели, а дворовый нужник покосился и наверняка упал бы, если бы не стоящее рядом дерево. Сад тоже потихоньку погибал: засохло несколько яблонь, а слив и вовсе не осталось — новых никто не высаживал. Рядом с домом Дарья успевала бороться с сорняковой порослью, а дальше были такие дебри, что не подступись. Одна лишь баня, стоящая особняком в глубине сада, выглядела так, словно плотницкая артель закончила свою работу час назад.

В начале 1943 года старую баньку семьи Лоскутовых облюбовала банда Борьки Бутовского. Тот хорошо знал обеих сестер, так как рос вместе с ними в Астрадамском тупике. За Катькой даже пытался ухаживать в школьной юности, да что-то у них не срослось.

Он был высоким, симпатичным парнем с копной темных непослушных волос и бездонными серо-голубыми глазами. Драчливый, шепутной, непоседливый. Учебу в школе забросил, нигде и никогда не работал, сдружился с такими же шалопаями и вскорости загремел по этапу. После первой ходки тяга к нормальной жизни окончательно пропала, и Борька сделал выбор в пользу крепчавшего в ту пору криминала.

Со временем юноша превратился в смышленого и дерзкого бандита, сколотившего вокруг себя разудалую компанию. Смышленным он был хотя бы потому, что не занимался темными делами в своем районе и его окрестностях. А лихая дерзость заключалась в том, что не разменивался по мелочам: прохожих не грабил, квартир и домов не вскрывал. Брал большие магазины, склады или базы. Каждую вылазку обдумывал с корешами долго и кропотливо; объект выбирал на другом конце столицы, а то и в Подмосковье.

Водя дружбу с сестрами в довоенное время, Бутовский не раз бывал на участке и в доме Лоску-

товых. Конечно же, знал он и о баньке в дальнем глухом углу.

В один из холодных декабрьских вечеров 1942 года сидел Борька с корешами в ресторане при Савеловском вокзале. Под водочку и хорошую закуску обмусоливали они предстоящий налет на продуктовый склад железнодорожной станции Бойня. Вдруг облава: квартал оцеплен, истошные свистки, крики, лай собак.

Борькина компания почитай вся была в розыске, потому и кинулась в разные стороны. Все утекли, кроме одного. Мусорня крепко села ему на хвост и попыталась задержать. Кореш уходил дворами, отстреливался, куда сам не нарвался на пулю.

В общем, в тот несчастливый день Бутовский понял, что негоже так бездарно терять надежных людей, и стал обдумывать, в каком укромном местечке обустроить безопасную «малину». Чтоб не на людях, но с удовольствиями и с разговором.

И вскоре выбор пал на скромную баньку семьи Лоскутовых.

* * *

Сентябрь 1945 года выдался таким же жарким, как и август. Этот день не стал исключением: солнце поднималось все выше над крышами бесконечного одноэтажного пригорода, воздух быстро прогрелся. Ветра не было, становилось душно.

Так и не опохмелившись, Семен вернулся в дом в отвратительном настроении. Утренняя безысходность означала одно: надо одеться, взять инструмент, выйти из дома и прошвырнуться по переулкам, тупикам и проездам в поисках приработка. Авось повезет. Тогда, заработав несколько рубликов, можно будет намылиться в пивную. Прохладное разливное пиво в такую жару под сушилки и тарань — в самый раз.

Стирка заканчивалась. Дарья натаскала с колодца чистой воды и полоскала белье. Из-за духоты она скинула ночную рубашку, оставшись в исподнем. Проходя мимо дочери, Семен занес ладонь, чтоб шлепнуть по налитым ягодицам, но в последний момент воздержался. Ведь именно за такие выходы Борька Бутовский и намял ему бока.

Выпив еще полкружки ледяной воды, Семен стал собираться: натянул старые солдатские галифе, надел свежую рубаху.

— Куда это вы, папаша? — оглянулась Дарья.

— Известно куда — на работу, — по-деловому, будто и не было других намерений, ответил тот.

— Знаю я вашу работу, — девушка отжала простыню, встряхнула ее и бросила в таз к остальному чистому белью.

Убрав прядь волос со лба, она достала из лифчика сложенную вчетверо купюру.

— Вот вам деньги, — чуть протягивая гласные,

сказала она. — Зайдите в хлебный и купите три буханки белого. На сдачу можете выпить пива.

Семен аж икнул от неожиданного поворота.

— Эт я мигом! — преобразившись, воскликнул он.

— Только сначала принесите хлеб! — строго наказала Дарья.

— Эт само собой! — На радостях он никак не мог попасть пуговицей в петельку. — Ах ты ж радость-то какая! Эт я туда и обратно!..

* * *

Борька пожаловал к Лоскутовым в январе 1943-го в сопровождении двух верных корешей — Мони и Яши Филина. Поздоровавшись, спросил для порядку, нет ли вестей о пропавшей Катерине.

Вестей не было. И тогда он поставил на стол шесть бутылок настоящей «Пшеничной» водки от Главспирта.

— Меняемся? — хитро поглядел гость на Семена.

Тот нервно сглотнул заполнившую рот слюну:

— Эт на что же?

— А на твою баньку.

— Баньку?! Она ж старая, — подивился Лоскутов. — На кой ляд она тебе сдалась?

— Не твоего ума дело. Так меняемся или как?

Ответ у пропойцы был готов опосля первого же вопроса. Разве могли быть другие варианты! На столе под оранжевым абажуром отсвечивали

глянцевыми боками аж целых шесть фуфырей беленькой — настоящей, сорокаградусной! Семен не видел «Пшеничную» года полтора — с тех пор как началась проклятая война, перемешавшая все планы и искорежившая до неузнаваемости привычную мирную жизнь. Шесть бутылок! Три литра! Это же, если экономно и мешая с пивком, можно растянуть дней на восемь. А то и на десять.

И все же крохотный червь сомнения точил мозг.

— А как же мы с Дашкой? — виновато спросился Семен. — Мы-то, стало быть, без помывки останемся?

— Бане я дам ремонт и найму Дашку в прислугу, — подмигнул Борис стоявшей чуть поодаль девушке. — Ну а тебе, Семен, дорога в мою баню будет заказана. Тебе ведь не привыкать как свинье по поселку в лохмотьях шляться, верно?

— Случалось такое. Но я ведь и к бане привычный, — не сдавался сосед.

— Ну ежели вши заведутся или еще где зачесется — в общую сходишь, на Новом шоссе.

Ответ удовлетворил Семена. Согласно кивнув, он сгреб бутылки и со звоном подвинул их поближе к себе.

— Да и черт с ней, с этой баней. Забирайте, — решительно изрек он. — Замка на ней нет, так что и ключа не может быть.

И тотчас расплылся в блаженной улыбке. Жизнь налаживалась на пустом месте. Из ничего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Москва, ул. Чернышевского
сентябрь 1945 года*

В глубине квартала между улицей Чернышевского и Малым Казенным переулком на лавочке под молодой березой сидели двое — Ян Бобовник и его дружок Муся, Лешка Мусиенко. Лешка в своей обычной одежде — широких брюках и пиджаке поверх светлой рубахи. Ян в форме младшего лейтенанта милиции. Правда, фуражку он предусмотрительно снял и положил рядом, чтоб понапрасну не светиться, не привлекать внимания. Третий корешок из недавно сколоченной банды — молодой Женька Ковалев — прохаживался неподалеку от ворот закрытого двора ведомственного жилого дома.

Вообще-то банда состояла из четырех человек. Мусиенко и Ковалева Бобовник нашел чуть позже. А первым шалопаем из криминальной среды, с которым он познакомился по возвращении из Крыма, был Олег Калугин по прозвищу Калуга. Этот невысокий паренек как состоявшийся вор почти не имел недостатков. Шустрый, сообразительный,

с покладистым характером. Любил, правда, поучать других. Зная огромное количество воровских прибауток, вставлял их где ни попадя. «Не владеешь пером¹ — не берись». «Ворам власти, мусорам по пасти!» «Розы гибнут на морозе, юность гибнет в лагерях». «Вор ворует, фраер пашет»... Но это было единственное, что раздражало Бобовника, во всем остальном Калуга устраивал его и многому за короткое знакомство научил. Увы, но после убийства мусорка по фамилии Петров Калуга загремел на нары.

Небо над Москвой стремительно темнело, кварталы погружались в сине-желтые сумерки. После невыносимой дневной духоты установилась приятная прохлада. Народу на улицах заметно поубавилось, окна домов вспыхнули желтым электрическим светом. Ежели погода радовала безветрием, то в эту пору в узких улочках, переулках и дворах становилось удивительно уютно.

Бандиты не спускали глаз с того места, где короткий безымянный тупик срастался с улицей Чернышевского. Именно сюда должен был нырнуть служебный автомобиль Неклюдова. Нырнуть, проехать сотню метров и остановиться напротив входа в закрытый двор ведомственного жилого дома. Поблизости от дворовой калитки ошивался

¹ Перо (*жарг.*) — нож.

Женька Ковалев. Он должен был опознать личность Неклюдова и подать сигнал корешам.

Бобовник слегка волновался и курил папиросы. В такие моменты он всегда выпячивал нижнюю губу, отчего его лицо приобретало совершенно отвратительный вид. Мусиенко по причине того же волнения ерзал тощим задом по лавке и беспрестанно лузгал каленые семечки. Курить он в детстве пробовал, но из-за слабых легких от табачка пришлось отказаться: после каждой папиросы его штормило и рвало.

Когда небо окончательно погасло, а звонкие детские голоса в ближайших дворах стихли, какой-то автомобиль свернул с Чернышевской в тупик и замер напротив железной калитки. С заднего сиденья неторопливо выбрался наружу полный пожилой мужчина. Подхватив кожаный портфель и что-то сказав водителю, он поплелся к калитке...

Женька Ковалев присел и начал поправлять развязавшийся на ботинке шнурок. Это был сигнал.

— Неклюдов, — прошептал Бобовник.

— Точно, — подтвердил Мусиенко.

— Теперь глядим за окнами его квартиры...

* * *

Алексей Мусиенко был отправлен на фронт в 1943 году, едва ему исполнилось семнадцать. Да, 13 октября того злополучного года вышло

Постановление Государственного комитета обороны № ГОКО-4322сс, подписанное самим Сталиным, «О призыве на военную службу призывников рождения 1926 г.».

Мусиенко угораздило родиться именно в том году. Он был тощ, сутул, плохо развит физически. В детстве перенес рахит, катаральное воспаление легких, тиф и, вероятно, поэтому внешне походил на слабую, но озлобленную крысу. Узкое лицо, длинный заостренный нос, испуганно бегающие маленькие черные глазки и вечно прилипшие ко лбу редкие волосы.

В душе Мусиенко был трусом, потому на фронт не хотел ни под каким соусом. Полагаясь на стопку справок о перенесенных болезнях, на свой дистрофичный вид и жалость военкома, он не стал прятаться по дальним родственникам, а вместе с хлопотливой мамашей отправился в военкомат. И больше домой не вернулся. Точнее, проехал мимо дома в кузове полуторки по пути в лагерь первичной военной подготовки. В лагере обалдевшего Лешку обрили налысо, отмыли в бане, пропустили через санобработку, обрядили в мешковатую военную форму и зачислили рядовым в одну из учебных рот.

После изучения Уставов и конструкции винтовки Мосина, муштры и физической подготовки, учебных стрельб и рукопашной Мусиенко принял